

Юрий Литвин

КНИГА БЕЗ НАЗВАНИЯ

Юрий Литвин
Книга без названия

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Литвин Ю. В.

Книга без названия / Ю. В. Литвин — «ЛитРес: Самиздат», 2000

Роман "Книга без названия" рассказывает о великой битве сил светлого и темного Разума, в которую оказываются втянутыми обычные и не совсем обычные люди. Рыцарь Эрвин и Мария Магдалина, инспектор Хваловски и хоккеист Володя Гречкин, королевский шут Куко и безумный философ Тимофей, а также многие другие персонажи, зачастую даже не подозревающие о том, на чьей стороне они выступают. Действие происходит как в прошлом, так и в настоящем. Армагеддон наступает.

Содержание

Значит, все сначала. Боже! За что?»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Я даже не помню, каким образом, и при каких обстоятельствах она попала ко мне в руки. Возможно, я видел ее раньше, перекладывая старые книги на чердаке своего загородного дома. А быть может, и нет. Там было много книг, самых разных, как знакомых, так и незнакомых. Боже! Чего там только не было! И пахнущие пылью, связки старых литературных журналов, и какие-то совершенно нелепые брошюры, непонятно о чем, конечно же, неполные собрания сочинений полузабытых классиков, и тут же рядом, абсолютно непонятные книжонки на румынском и даже венгерском! Создавалось впечатление, что кто-то с непонятной целью и сатанинским остервенением в течение длительного периода времени стаскивал на чердак любую печатную продукцию, до которой сумел дотянуться, не соблюдая притом ни правил, ни системы, и действуя, то ли интуитивно, то ли маниакально, причем последнее казалось более вероятным.

Собственно дом я прикупил по случаю, потому что давно хотелось приобрести нечто подобное. Он был старый и очень ветхий, но меня устраивал, потому что в нем, вдали от города, можно было спрятаться от проблем, хотя бы на время. Еще там отлично работалось.

Книги же достались мне в наследство от прежних хозяев, но я подозревал, что хозяевам они также достались в наследство, потому что люди, продававшие дом, не производили впечатления любителей книг, а тем более их собирателей. На мой вопрос: «А что там, на чердаке?», махнули рукой и сказали: «А всякий хлам»... и все. Кстати, там, кроме книг, и хлама всякого хватало в превеликом множестве, и хозяевам никак не хотелось его перебирать, я даже подозреваю, что они просто бросали туда все, что не нужно, и тут же об этом забывали, например, безнадежно испорченный садовый инвентарь и пробитые жестяные тазы мирно соседствовали на чердаки с печатным словом. Заговорился... О чем это я? Ах, да! Книга! Эта странная книга... А впрочем, может быть, ее принес кто-то из моих знакомых позже, но я не мог вспомнить, кто именно. Или все-таки я принес ее после одного из своих исследовательских набегов на чердак? Да собственно, существовало бесконечное количество возможных вариантов.

Точно помню, что я захотел вымыть люстру, событие само по себе примечательное и редкое в том плане, что подобные мысли посещали меня не чаще одного раза в десятилетие. А потолки оказались для меня высоковаты. С табурета до люстры дотянуться было невозможно, необходимо было что-то еще подложить под ноги. Почему-то я решил, что это будет книга, и, осматривая комнату в поисках подставки, я увидел ее. Среди других. Как вы уже поняли, я тот еще червяк, книжный, книги – моя работа и призвание, мне хорошо среди них, и к тому же – они являются средством моего существования, оттого все мои жилища напоминали библиотеку, а точнее, книжные склады. Помимо книг, постоянно находившихся у меня, привезенных с собою для работы и спущенных с чердака, на полу были навалены груды литературы, вывезенные из квартиры моего товарища Михаила, отдавшего мне их на хранение на период своей длительной командировки. Кроме того, народ, посещавший мою скромную обитель, время от времени обновлял ассортимент печатной продукции.

Та книга привлекла меня габаритами. Настоящий фолиант. Когда я взял ее в руки, мысль о мытье люстры покинула меня так же внезапно, как и появилась. Первое впечатление было довольно странным, я определенно где-то уже видел эту книгу. С одной стороны, ничего удивительного, но, с другой стороны... Было, как это сказать? Наверное, физическое ощущение того, что происходит что-то важное. Именно так. Со мной и именно в этот момент. Я держал в руках этот тяжелый фолиант в твердой серой обложке и чувствовал, что когда-то все это уже было, давно, но было. Тревожно замерло сердце, прислушиваясь к ощущениям внутри себя, я отнес фолиант к столу и раскрыл примерно посередине. «Ага, латынь!» – обрадовался разум. От одного только взгляда на раскрытую страницу сердце мое застучало. Вот так удача! Откуда? Этой книге навскидку лет тысяча! Древние страницы отлично сохранились и имели багряный оттенок. Гримуар? От волнения я снова закрыл книгу, отложив ее в сторону, и нервно про-

шелся по комнате, нужно было успокоиться и принять лекарство, что-то изрядно я разнервничался сегодня. Господи! Да откуда же ты взялась? Почему я, зная толк в подобных вещах, раньше не обратил на нее внимание?

Приняв лекарство, вернулся к столу. Книга, как ни в чем, ни бывало, лежала на месте. Усевшись поудобнее, я надел очки и открыл фолиант. Прошло какое-то время, прежде чем я смог с усилием оторваться от чтения. Самое удивительное, что в тех строках, которые мне удалось прочесть, не было ровным счетом ничего особенного. Незнакомый автор описывал, видимо, некий магический процесс, но я никак не мог уловить суть. Моих познаний латыни не хватало. Я уже сомневался в том, латынь ли это. Перевернув страницу, я вообще впал в ступор, она была написана на совершенно другом языке. Отчего-то я решил, что это ни много ни мало – арамейский. В голове загудело, заломило виски. Плюс ко всему, посмотрев на страницу еще пару минут, окончательно убедился в том, что абсолютно не воспринимаю, ни смысла, ни содержания прочитанного, и что самое удивительное, полностью перестал воспринимать окружающую реальность. Глаза мои закрылись сами собой, и словно на экране кинотеатра я увидел удивительную картину: раскаленная пустыня лежала передо мной под ослепительно белым небом. Картина была настолько реальной, что я даже почувствовал порыв сухого горячего ветра, бьющего в мое лицо. И еще я увидел фигуру человека в развевающейся черной хламиде, удалявшуюся навстречу ветру в сторону неясного горизонта. Он шел уверенно, и почему-то я чувствовал, что человек этот рассержен на меня, и даже зол. Он оглянулся, не прекращая движения, и я увидел его характерное смуглое арабское лицо, обрамленное черной же бородой под черным тюрбаном, и его глаза, пронзившие меня насквозь, словно клинком. Он ничего не сказал, отвернулся и продолжил свой путь. Потом картинка исчезла, глаза мои открылись, и я увидел закрытую книгу. Меня бил сильный озноб, и спина была липкой от пота, что-то сильно резало в уголках глаз. Когда я протер их пальцами, то на них остались несколько мелких песчинок. Моя комната была ярко освещена полуденным солнцем, и мебель отбрасывала причудливые тени. Открыть книгу повторно я почему-то не решался.

* * *

Я был стар и немощен. Моя голова раскалывалась от боли. С трудом добравшись до кровати, я лег и попытался уснуть. Но это было бесполезное занятие, непонятные предчувствия томили мое сердце. Неужели все начинается снова? Стараясь не думать о Книге, я перенесся мыслями в прошлое... Пелена отпустила мое воспаленное сознание и тени обступили меня, Боже, как я устал!

...Блистательный король Георг на дивном жеребце из конюшен Махаммеда-аль-Хлави обнажает блеснувший на солнце меч и указывает на небо, а потом на восток, благословляя нас на смерть...

...Липкий пот и конское ржание... кровь заливает лицо, но я не чувствую боли... стелквиваются, громыхая, железные всадники... когда-то белый плащ разорван в клочья... далеко, из-за серой стены поднявшейся столбом пыли, доносится голос: «Во Имя твое!»

...Распятое тело, веревки ослаблены, голова опущена... пьяный хохот вокруг... «Пушай еще повисит, он еще ничего не сказал»...солнце заходит... «Нужно убить его и двигаться дальше». «Рано, разведка еще не вернулась»... Пьяный хохот превращается в истошные крики, темные фигурки на горизонте, какой-то ледящий душу свист. Стрела с черным оперением впивается в доску...

...Темная комната, горит огонь в железной печи. На полу в разорванном камзоле лежит окровавленное тело, кто-то льет воду прямо на него... Человек в надвинутом капюшоне перебирает страшный инструмент...

...«Святой Патрик, святой Джереми, защитите от скверны и дайте силы исполнить долг». Огонь разгорается сильнее, кто-то низким голосом запекает печальную песню...

... Слякоть и грязь под ногами. Толпа слепых бредет по древней Фламандской дороге... Я знаю, что тоже слеп, но почему-то вижу свои ноги в стоптанных сапогах... бесполезная винтовка колотит по спине... рядом кто-то плачет навзрыд... Я знаю, что конца этой дороге нет... дождь хлещет по сгорбленным спинам, дождю этому тоже нет конца...

...Собачья морда с оскаленными зубами, рычание и щелчок затвора... «Не хочу больше!», но палец аккуратно давит на курок, и все вокруг глохнет в грохоте автоматной очереди...

...Голос, вещающий откуда-то сверху, наверное, с грозных и темных небес: «Девять рыцарей-храмовников продолжают охранять дорогу паломников. Какой бы грозной ни казалась опасность, они не станут принимать участие в битвах и не станут вербовать неофитов. Они остаются в том месте, где находился Храм Соломона, и станут единственными его обитателями с целью найти, сберечь и забрать с собой Ковчег Завета и Таблицы Закона...

«Нет, это невозможно, они же обещали! Обещали оставить меня в покое и дать умереть спокойно. Откуда? Откуда появилась Книга? Неужели Михаил? Нет, быть этого не может. Другой уровень, иная формация, совсем не то ...

Значит, все сначала. Боже! За что?»

Но я знал, за что, и я знал, что сделаю так, как предназначено. Превозмогая боль, я сполз с кровати, подошел к подоконнику и взял Книгу в руки. Они не дрожали. Они никогда не дрожали. Я почему-то улыбнулся. Сейчас я снова должен буду умереть, для того чтобы воскреснуть в ином облике, молодым и здоровым, и выполнить то, что мне предназначено. Книга поможет мне в этом, осталось только найти нужную страницу. Я знал, где она и как выглядит, потому что это происходило не в первый раз, и не во второй.

Во всех своих жизнях я был лишь тем, кем был всегда – крестоносцем Ордена Святого Патрика, самого влиятельного и самого загадочного ордена из всех, стоящих у Креста. О нем знали лишь посвященные, а тайны его были погребены под прахом веков и людей. Наша миссия была ужасна, трудна, но необходима – мы осуществляли контроль над развитием человеческой цивилизации и помогали Высшим силам управлять процессами, происходящими на Земле.

Не глядя на книгу, я отсчитал необходимое количество страниц и раскрыл ее во второй раз за сегодняшний день. Боже, как я устал! На меня глядело бесцветное лицо с серо-голубыми глазами, в глазах этих была космическая пустота. Они звали меня, они затягивали внутрь себя мою душу, и она потянулась навстречу, затрепетав и обретая желанную свободу.

* * *

Меня звали Эрни Джонс, мне было тридцать три года, и через час меня ждали в офисе.

Синтия была очаровательная девушка и, кажется, я ее даже любил, но работа в наш бурный век – это все, если не больше. Я так считал, будучи преданным служащим «Постер энд Постер». Чикаго такой беспокойный город, что не оставляет времени на чувства, если хотя бы на миг отвлекся от главного, зазевался, пиши, пропало. Тебя опередили и смешали с дерьмом. Конкуренция. Обществу нужны люди создающие продукт, а иначе... Ну да, примерно так. Все это время один мой глаз был прикован к телевизору, где в разгаре шла запись хоккейного матча «моих любимых ястребов», и хотя родом я из Оклахомы, предпочитал болеть за местных. Корпоративная этика, что делать, 90 процентов служащих «Постер энд Постер» болеют за Чикаго. В телевизоре кого-то сшибли, завязалась потасовка. Все равно не успею досмотреть. Надо как-нибудь узнать результат вчерашней игры, на работе могут пристать с вопросами, необходимо купить спортивную газету, чтобы даже в мелочах выглядеть компетентным. Застегивая на все пуговицы свою белую рубашку, другим глазом я наблюдал в зеркало, как отражение Синтии пытается совершить невероятное, разглядить скомканную простыню при помощи человеческих рук.

– Дай что-нибудь почитать на дорожку, – попросил я. – Последний детектив был просто... ух...

«Только бы не спросила, о чем он», – подумал я про себя, и еще раз с тоской – «Мне еще газету прочитать...»

Синтия у меня девушка серьезная, ей нравится, когда я читаю ее любимые детективы, ненавижу их, почти, как и «ястребов».

Синтия быстро глянула на меня – я не оценил этот взгляд, как выяснилось потом, зря – и произнесла:

– Будешь уходить, возьми в прихожей на столике.

– Угу, – буркнул я, пытаюсь причесаться. – Все, я помчался!

Синтия не ответила, видимо, она уже была в ванной. В прихожей со столика я взял толстую серую книгу, отличавшуюся от столь любимых мною детективов не только объемом, но еще и обложкой – ее, по сути, не было, вернее она была, но только без рисунка и названия.

Рядом лежали неброские брошюры, из тех, что распространяют на улицах адепты разных церквей. Поморщившись, я вскользь прочел: «Новая Церковь», что в данный момент было совсем не интересно. О книге же я сначала подумал, что это какой-то технический справочник. Немного скривившись про себя, я сунул книгу в портфель, времени на то чтобы обращать внимание на пустяки, не было. Да я педантичен и этим горжусь!

«Вечно Синтия пытается приобщить меня к прекрасному, – думал я, спускаясь в лифте на первый этаж и мысленно взвешивая в руке изрядно потяжелевший портфель, – видимо, это уже не детектив, это наверняка столь любимое ею жизнеописание какого-нибудь русского писателя!»

Синтия отличалась от других девушек, с которыми я коротал свободное время, какой-то маниакальной любовью к искусству и литературе в частности. Я в глубине души скрывал свои мысли по этому поводу, так как считал все это вместе взятое бесполезной тратой времени, сил и отчасти средств, но учитывая то, что в сексе равных Синтии, из числа вышеупомянутых подружек никого и близко не было, терпел и почти не сопротивлялся всем этим попыткам наставить меня на путь истинный. Она, кажется, немного страдала от этого, но я не придавал этому значения. Вообще-то, с ней было интересно. А уж в постели! Да.

Ну а насчет литературы... Хм... Привить подобные ценности мне было занятием бесполезным, я предпочитал бейсбол и чипсы. Еще виски, но только чуть-чуть и, разумеется, в подходящее время. Как говаривал мой папа, ничто так не двигает карьеру, как хорошее виски в хорошей компании нужных людей. И старик был прав.

Портфель оттягивал руку, и я поморщился, вот на какие жертвы мы идем ради женщин. Чтоб сделать Синтии приятное, я был вынужден страдать, таскаясь с ее дурацкими книжками.

Купив газету и спустившись в метро, я уселся на сиденье между толстяком в футболке «Чикаго файер» и немолодой женщиной, похожей на английского премьер-министра, я быстро пробежал глазами отчет о вчерашней игре, сложил газету, и еще раз тяжело вздохнув, полез в портфель за книгой.

Присмотревшись к странной обложке, я увидел прямо на ней надпись чернилами, очевидно сделанную Синтией: «Милый, начни с девятой страницы!» Странно. Это что-то новенькое, вечно она со своими сюрпризами. Пожав плечами, я быстро пролистал книгу, удивляясь качеству бумаги, она была какая-то желтоватая и производила впечатление древности что ли. Шрифт был английский, но какой-то... неправильный, «готический» что ли, услужливо подсказало подсознание, так, кажется, это называется. Готика так готика. Фильм я недавно смотрел с таким названием. Так себе кино, не впечатлило. Ладно, почитаем пока...

Зевая, все-таки измотала меня она, я принялся читать – ничего особенного, полная белиберда, точно, про писателя какого-то. Я уже собирался закрыть книгу, как со мной стали твориться странные вещи. Сначала я подумал, что у меня заслезились глаза, но нет, глаза оставались сухими. Непонятные вещи происходили со строчками книги. Они стали как будто размытые, буквы съезжались и разъезжались в разные стороны, словно танцевали неведомый мне танец.

Я быстро глянул на своих попутчиков. Толстяк дремал, а женщина-премьер смотрела куда-то в сторону. Вагон жил своей особенной жизнью.

Я снова глянул на девятую страницу и обомлел – букв не было! Прямо на меня со страниц книги смотрело лицо прекрасной женщины, с глазами, напоминающими звезды, и я тонул в этих глазах целиком. Я никого никогда не видел прекрасней в своей... никчемной 33-х летней жизни. Отчего-то остро захотелось заплакать, меня это удивило, так как я давно забыл о том, как это бывает. Глаза мои действительно заслезились и я всхлипнул. Потом мне показалось, что я становлюсь очень маленьким, или это страница росла, не знаю, но получилось так, что тело мое потеряло вес, а мысли мои... мысли мои...

...мы подъезжали к 117-й авеню. Толстяк все также спал, женщина-премьер все также смотрела в сторону. Закрытая книга лежала у меня на коленях. Надпись, сделанная на обложке чернилами, испарилась непонятным образом, словно была сделана исчезающими чернилами. Ничего не изменилось, кроме одного: душа Эрвина Джонса покинула тело служащего компании «Постер энд Постер», а освободившееся место занял бессмертный дух брата Эрвина, крестоносца Ордена Святого Патрика.

* * *

Крестоносцами мы стали называть себя после одного нелепого случая. Это был наш серьезный прокол. Впрочем, прокол это был или нет, вопрос довольно спорный, задачу свою мы выполнили, вот только какой ценой? А дело было так.

Я был в то время в Вифлееме, гнусном, изнывающим от жары местечке. Я ждал там брата Огеста. С ним мы должны были выполнить одну непыльную работенку, а именно, ни много ни мало, дать человечеству толчок для возникновения новой религии. Еще был с нами брат Гордон. Мы были равны в своем положении, если рассматривать наши места в Иерархии Субстанции, но руководил данной операцией брат Огест. Его миссия заключалась в том, чтобы проповедовать основы будущей религии и подготовить учеников, которые закрепили бы ее в сознании людей и могли бы в дальнейшем проповедовать самостоятельно.

Огест был очень талантлив, но на беду свою или на счастье немного романтиком. Мы встретились в условленном месте. Он изображал странствующего философа и быстро сумел собрать вокруг себя необходимых людей, мы с братом Гордоном осуществляли, скажем так, наружное наблюдение и прикрывали нашего философа от возможных неприятностей. Поначалу все шло хорошо, за нашим товарищем ходили толпы оборванцев и слушали его, раскрыв рты, почитая Мессией. Он тоже прекрасно вошел в роль, проповедуя основы нового учения. Нет, конечно, не обходилось без недовольных, эти-то есть всегда, но на то были мы с Гордоном и, действуя по ситуации, поддерживали необходимое нам равновесие. Да знаете вы эту историю... Первоначально предполагалось прибыть в Иерусалим в канун праздника Пасхи. Там Огест должен был основать Новую Церковь вместо Старой, ну а для того чтобы у нас с Гордоном все получилось, надо было немного поработать, поверьте, что с нашими возможностями это было нетрудно. Просто надо было привлечь на свою сторону несколько влиятельных людей, ибо наше руководство считало, что таким образом Новая религия быстрее завоеует свои позиции в человеческом обществе. А дальше все пошло по намеченному плану. Операция была продумана от и до. Среди учеников оказался предатель. Огест был схвачен и брошен в тюрьму. Собственно, и эту историю вы знаете. Он мог спастись. Мы приняли к этому все возможные меры. И когда Понтий Пилат решал судьбу Огеста, первосвященник иудейский Каиафа явился к нему во дворец, дабы требовать для «преступника» смертной казни, мы не стали этому препятствовать. Взвесив все варианты, мы решили похитить его по пути на Голгофу. Проникнув под видом священника в тюрьму, мне удалось довести наш план до арестованного. Он одобрил его, только улыбнулся один раз как-то странно. Если бы я знал тогда, что означает эта его улыбка! Наступил день казни, все было готово, спасение Огеста должно было плавно перерасти в восстание против Пилата и Римской империи, люди были расставлены по местам. Гордон успел проделать гигантскую работу. Нам нужен был только сигнал и сигнал этот должен был дать Огест, но... но Огест добровольно пошел на крест... Он прекрасно понимал, что начнется переворот, кровь польется рекой. Огест не хотел чужой крови, он пролил свою. Умирать больно. Очень больно, каждый раз, поверьте человеку по специфике своей работы делавшего это многократно. Но наш брат решил сделать по-своему. Своей мученической смертью он спасал Пилата от нашего приговора, теперь его убийца должен был жить, необходимость в ликвидации прокуратора и в перевороте отпадала сама собой. Тем самым, Огест создал прецедент,

заставивший многих живущих задуматься. Для пропаганды Нового Учения нельзя было придумать лучшего способа. Я присутствовал при казни Огеста, когда он проходил мимо меня, то успел шепнуть мне: «Видишь, как все хорошо сложилось».

Его смерть дала хороший толчок развитию цивилизации, а мы с того дня стали крестоносцами. Потому что крест этот давил, в первую очередь, на наши плечи, плечи тех, кто мог спасти, но не спас, пусть и не по своей воле.

Орден назвали именем святого Патрика. Огесту нравилось, когда его так называли. Патрик – это его первое и любимое воплощение, еще до Иисуса, когда мы с ним и Гордоном работали над одним проектом в нынешней Ирландии, среди древних кельтов, выдавая себя за друидов. Веселое было время, приятно вспомнить!... Огеста наградили Покоем.

Бедняга Огест, он снился мне часто, только всегда какой-то печальный. Может потому, что с его именем на устах мне пришлось пролить немало крови, а ему это было неприятно. Я же говорил, он все-таки был неисправимый романтик.

* * *

Итак, я знал, что снова предстоит работа. Но не думал, что ее поручат мне. В последней жизни мне было сказано, что карьера моя, наконец-то, подошла к концу. Это было пределом мечтаний. Бессмертная душа моя истосковалась по покою, ничего нет вечного, и души тоже изнашиваются в процессе перевоплощений. А мы, крестоносцы, имели идиотскую привилегию сохранять целостность души. Нас немного чистили после наших многочисленных перевоплощений, давали чуть отдышаться и снова кидали в пекло.

Я был магистром Тевтонского Ордена, рядовым рыцарем, а после гермейстером в Ордене Ливонском, инквизитором средневековой Испании, монахом, воином, художником, поэтом. Да кем я только не был, даже личным секретарем при самом капитане Флинте, золотишко пиратское подсчитывал. И, наконец, карьера моя подошла к концу. Двенадцать апостолов, бывших когда-то учениками Огеста, уже вполне самостоятельно справлялись со своими функциями, которые заключались в контроле над различными областями человеческой жизнедеятельности, и мои задачи Координатора уже не были столь необходимы как раньше. Тем более, что с ними вполне уже мог справиться наш брат Гедеон, старший из «апостолов», курировавший вопросы армии и войн на планете. Учитывая все это, я собирался сдать дела, что и сделал в своей последней жизни. Но, похоже, все начинается снова. С этим необходимо было разобраться и разобраться немедленно. Последнюю жизнь я прожил тихо и без приключений. Я готовился примкнуть к Субстанции и остаться в ней навсегда. Но нет, Высшие силы распорядились иначе. Мой опыт, очевидно, оказался востребованным, чтоб их всех. Значит, действительно готовилось что-то серьезное.

В данный момент, воплотившись в теле 33-х летнего янки, я снова спешил к его подружке Синтии, которая на самом деле была нашей сестрой Эльзой. В Иерархии Субстанции она стояла гораздо ниже меня, Огеста и Гордона, даже ниже Апостолов, первоначально она была одной из тех женщин, что сопровождали Огеста во время его странствий по Святой земле, их было несколько, и не все сумели дожить до наших дней. Эльза сумела... Кстати, из этой плеяды лишь сестра Маргарита, известная как Мария Магдалина, сумела получить титул равноапостольной. А вот сейчас мне нужна была информация, та, что должна была пролить свет на события последних лет, в течение которых, я был вдали от дел. И Эльза должна была обладать информацией и информацией достаточно серьезной, это я понял, перешагнув порог ее чикагской квартиры. Потому что сестра Эльза лежала в прихожей на полу, а ее широко раскрытые серые глаза смотрели куда-то в потолок. Ее такое нежное и отзывчивое сердце было насквозь пробито железной стрелой с черным оперением.

* * *

Нужно было принимать решение и, причем, быстро, потому что тот, кто убил Эльзу, наверняка, хотел подставить меня. Не удивительно, если полиция уже спешит сюда. Направляясь назад к лифту, я думал о том, как мой противник мог с такой точностью рассчитать время с учетом моего перевоплощения. В том, что руководили процессом неординарные личности, сомнений не было. Не успев отойти от дома на тридцать шагов, я услышал вой полицейской сирены, и тем ни менее пока мне давали шанс. Спускаясь в метро, я попытался составить план действий. Получалось плохо, так как не хватало исходных данных. Что ж, придется их додумывать самому, а там видно будет. Отгородившись газетой от остального мира, я стал раскладывать по полочкам те немногие факты, которые у меня были.

Эльза... Эмоции в сторону, иначе нельзя. Когда-то мы были близки, но это было давно. Свою недавнюю близость с ней как с Синтией я не рассматривал. Так, эмоции... Сконцентрироваться. Пару секунд покоя. Всего лишь пару секунд. В окнах мелькала тьма, мы мчались в тоннеле. Что я знаю? Практически ничего, попробуем пофантазировать и отсечь лишнее, а для этого важно знать один момент: «Когда Синтия стала Эльзой?» С самого начала нашего с ней знакомства она ею не была, это однозначно. Осколки вытесненного сознания янки ясно говорили об этом. Значит позже. Когда? Скорее всего, после того, как к ней попала Книга. Кто дал ее ей? Очевидно человек, принадлежащий ее кругу общения. Так было бы проще, естественнее, вряд ли она нашла ее где-то, хотя возможна ситуация с банальным подбросом реквизита, но наши так обычно не работали. Хотя... Импровизация? Может быть, но пока вернемся к первому варианту. Они должны были впоследствии выходить на меня, потому что обязательно кто-то из Кураторов должен был быть рядом. Итак, Синтия. Прости Эльза, но сейчас я думаю о тебе в этой ипостаси. Накануне ты ничем не отличалась от обычной Синтии. Маскировка? Может быть. Джонс что-то почувствовал утром. На миг вернулось странное ощущение, закололо в кончиках пальцев. Да. Она как-то странно на меня посмотрела. Один раз, а потом еще... Я тогда не придавал этому значения, думал о ерунде, но, похоже, утром это была уже Эльза. Что было накануне? Я не видел Синтию дня три, только звонил. Значит, в этом временном промежутке кто-то и передал ей книгу. Необходимо вычислить этого человека. Очень жаль, что мистер Джонс мало интересовался окружением своих возлюбленных.

Поезд остановился, вошли люди, я внутренне напрягся, но на сей раз обошлось, до меня им не было ровным счетом никакого дела. Скоро станция пересадки, придется немного попетлять. Времени, как всегда, не хватало времени. Я сжал зубы и снова погрузился в свои невеселые мысли.

Дальше... Почему меня вызвали? По пустякам этого делать бы не стали, значит, снова что-то глобальное, причем настолько, что наши противники развили серьезную активность. Что-то еще беспокоило, что-то я упустил из недавнего. Рука крепче сжала Книгу и я вспомнил. На столике в прихожей рядом с Книгой лежала брошюра, какой-то церкви, новой, кажется... Да точно Новой, а сейчас, когда я вернулся, ее уже не было. Странно. Не понятно только, зачем им это средневековое представление с убийством при помощи железной стрелы. Решим позже. Сейчас важно исчезнуть для всех и осмотреться. Разумеется, изменить облик, документы и... купить лотерейный билет. Не удивляйтесь. Лотерея является одним из способов поддерживать материальное положение ответственных работников Субстанции. В данный момент я был несколько стеснен в средствах, и стоило попробовать сыграть. В случае выигрыша я убил бы двух зайцев: во-первых, окончательно бы убедился, что действую от имени Ордена и располагаю при этом всеми необходимыми привилегиями, без которых выполнение моей пока еще неизвестной миссии было бы проблематично. А во-вторых, решил бы материальные проблемы. Обычно Субстанция заботилась о своих.

Поезд снова остановился, и я отправился покупать лотерейный билет.

* * *

Мы существовали всегда, сколько существует разум во Вселенной. Есть две категории разума: белый и черный. Когда заселяется планета, обе категории с одинаковым усердием вступают в борьбу, ибо борьба есть неотъемлемая часть любого процесса.

В случае с Землей зерна белого разума были занесены из региона Центавра, где находилась ближайшая мощная структура Субстанции. Отличие белого разума от черного в том, что цель первого – распространение жизни и стремление к увеличению живой энтропии Субстанции, подпитываемой, скажем так, отфильтрованной разумной энергией, которая, в свою очередь, образуется и приумножается в процессе жизнедеятельности человечества. Стремление каждой разумной особи к познанию приводит к увеличению ее разумной энтропии в процессе обучения, тут все: новые свежие и оригинальные мысли и идеи, все достижения науки, культуры, духовные ценности – все это обогащает Субстанцию. После физической смерти души человеческие не распадаются, они присоединяются к Субстанции, растворяются к ней и дают жизнь новым душам, но на более высоком уровне. И так до бесконечности. Души людей, напрасно потративших жизнь в этом плане, перед присоединением к Субстанции проходят очистку, после нее они представляют собой ценность лишь как сгустки чистой энергии, не несущие никакой информативности. Именно отсюда и возникли понятия рая и ада со своим чистилищем. Разумеется, тут нет котлов и жаровен, но своя технология присутствует.

Помимо этих понятий присутствует понятие «покой». Покой обретают души, потратившие слишком много энергии в повседневной жизни, им нужно время на восстановление. Говорят, хорошие люди умирают рано, на 90% это про них. При жизни они расходуют слишком много энергии, и, в конце концов, она покидает их, но при этом они не успевают накопить необходимый информативный потенциал для присоединения к Субстанции, времени не хватает. Вот их и помещают в ячейки покоя, где они восстанавливаются и приходят в норму. Это с точки зрения энергетики.

Есть несколько уровней Покоя. Каждой душе на восстановление необходим свой срок. Процесс восстановления длительный, даже по космическим меркам. Некоторые «ремонт» не подлежат вообще и зависают в своих ячейках навечно. Там нет времени в привычном понимании. Душу Огеста поместили именно в такое место.

Кроме того не подлежат возвращению души самоубийц. С точки зрения Высших Сил они считаются не справившимися с возложенной на них миссией и подлежат окончательной изоляции.

Черный разум стремится к совершенству иного рода. Тут нельзя применять понятия Добра и Зла, тут просто обычная борьба противоположностей и конкуренция. Черный разум – это разум неживой материи, его конечная цель – уничтожение всего живого и духовного, в котором, с его точки зрения, много лишнего и затрудняющего утверждение во Вселенной четких прагматичных линий и простоты. Сколько во Вселенной пустынных незаселенных планет? Луна, висящая над нами – постоянное напоминание для живущих на Земле об одном из возможных вариантов развития событий.

Черный разум использует любые способы, чтобы воспрепятствовать зарождению новых белых разумных очагов. Его символ – кристалл, его цель – кристаллизация. Он создает планеты, он дает формы, дает фундамент для высадки десанта сил белого разума.

Когда первые крупинки белого разума попали на Землю, они вступили в отчаянную борьбу за выживание. Вся неживая природа Земли, в свою очередь, вступила на борьбу с пришельцами. Шансов у белого разума было не так много, примерно один на миллион, но случилось то, что случилось, и на планете Земля возникли зародыши живой материи, а потом эта материя стала разумной, приняв в итоге форму человека. Черный разум не смирился с

этим тогда, он не смирился с этим и сейчас. Он принимает различные формы и использует различные методы для того, чтобы вновь утвердиться в своих пределах. Иногда внедряется в мозг отдельных личностей, и толкает их на уничтожение живой материи. Люди называют их маньяками, но не в названии суть, маньяк маньяку рознь. Все войны, происходящие на Земле – продукт их жизнедеятельности. Война – не кара небесная, не способ наказания человечества, это просто попытка Черного Разума взять как можно больше очков у Разума Белого, а по возможности все. Если б знали вы, как много поединков во Вселенной закончилось именно с таким исходом!

В чем суть культурных достижений? Их нельзя есть, их ценность эстетическая. Человек подсознательно это чувствует, и потому не меняет бесполезную с кулинарной точки зрения картину Ван Гога, на полезную во всех отношениях бутылку пива.

Почему мы с удовольствием слушаем пение себе подобных, и можем тратить бесконечное количество времени в театрах, кинозалах и на выставках? Потому что потребность в эстетическом насыщении заложена в нас изначально, и идет оттуда, из Белой Субстанции Центавра и еще дальше из глубин Космоса. Это необъяснимо, но это так. Почему человек создает музыку? Он мог бы ограничиться выращиванием хлебных колосьев. Нет, не мог. Казалось бы, что мог, а на самом деле нет, подавился бы он этими колосьями и умер в тоске. Зрелищ народ требует не меньше хлеба, и это тоже заложенная потребность. Это код, дающий человечеству право на существование. Это на уровне ДНК. Почему древний человек двигался в своем развитии? Потому что он подсознательно хотел стать Достоевским. И он стал человеком, в хорошем смысле этого слова, не тогда, когда поднял пресловутую палку, а тогда, когда взял кусок каменного угля и прочертил на скале линию первого рисунка. Тогда-то Белый Разум и взял на планете Земля пятьдесят один процент акций в извечной борьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.